

Существует два способа противодействия компрометирующим доказательствам. Можно либо искать дополнительные доказательства, чтобы доказать свою невиновность, либо поставить под сомнение существующие доказательства. До сих пор Лил тратила свою энергию на первое. Последний метод даже не пришел в голову.

«Сезар очень честный человек. Я слишком хорошо знаю, как мораль укоренилась в его жизни... Приемлемо ли для меня не сомневаться в искренности Сезара или мне следует пожалеть, что я не столкнулся с ним?»

На самом деле, независимо от того, что я сделал, я бы страдал в любом случае. Если бы я выступил против Сезара, который угрожал убить самого Эда, если бы мы не сбросили его тело в море сразу, мне, вероятно, пришлось бы заблокировать его меч, целясь в Эда... Но было не только два варианта, но и третье решение. Это был ответ, который я, вероятно, уже знал в тот момент, когда сделал свой выбор, но я решил не делать этого... Сезар не позволил мне, и в конце концов, я проигнорировал это... Я был предателем, а не Эдом...

Поскольку Эд настаивал на своей невиновности, я не могу отступить сейчас. Он заявил, что невиновен. Это самое ценное доказательство для меня».

Лил спустилась по ступенькам и постепенно была втянута в артиллерийскую палубу. Проходя мимо, в воздухе качались разрозненные гамаки.

Она открыла каюту Сезара без стука. В этот момент Цезарь сидел за своим столом, положив лоб на руку. Почувствовав чье-то присутствие, он тут же поднял туловище в сторону Лила.

"... Капитан?»

"..."

Лил молча пересек кабину и начал наугад поднимать бумаги на столе.

«Нет, это было не это письмо».

Лил порылся в столе в поисках корреспонденции. Сделав это три или четыре раза, Сезар схватил ее за руку.

"Лилоя. Что ты делаешь?»

— Где письмо?

— Что?

«Письмо от военно-морского флота».

"..."

Лил скрутила свое схваченное запястье и вытащила его. Затем она просмотрела книгу на столе, а затем заглянула в другой ящик. Сезар отошел назад и вытащил стул. Он встал, поднялся высоко позади нее и развернул ее.

— закричал Лил.

"Где это!"

Вместо того, чтобы ответить, Сезар только смотрел на нее. Лил снова повернулся, чтобы найти письмо.

«Забудьте об этом, я могу найти это сам. Не так уж сложно искать через его стол».

Когда Лил отмахнулась от рукоятки с предплечья, цвет лица Сезара сразу же затвердел. В полном недоумении он попытался установить с ней зрительный контакт, но Лил не повернулась назад, чтобы что-то ему сказать, она только сжала свой дрожащий подбородок. Сезар, который не мог больше ждать, затянул свою хватку, и прежде чем Лил даже получила возможность покрутить свое тело, он заговорил.

«Его там нет».

— Что?

«Я потерял его».

— Что?

"..."

Она не могла понять, что он только что сказал.

"... Ты..."

"..."

Военно-морской флот был пойман в качестве шпиона на одном из кораблей Лиги. Это

беспрецедентное событие, к которому следует относиться с максимальной конфиденциальностью даже внутри Лиги, поэтому доказательства из такого важного дела никогда не должны быть потеряны. Это доказательство, которое должно быть перевезено от Колокольней скалы до Анунчио на Паничи... Я не могу поверить, что Сезар просто сказал, что он потерял его! Неужели он действительно ожидает, что я просто приму это нелепое оправдание?»

Лил тихо подняла другую руку и оттолкнула руку, которая сжимала ее руку.

— Что, черт возьми, ты сделал?

«Что, черт возьми, я сделал? Что вы имеете в виду?»

«Нет никаких сомнений в том, что голубь знал Эда. Но письмо от военно-морского флота...»

"..."

Губы Лил двигались с трудом, чувствуя, как будто каждое произнесенное ею слово приближало ее на один шаг к аду.

«Действительно ли он общался с военно-морским флотом?»

— Во что ты хочешь верить?

«Правда».

«Ты доверяешь ему больше, чем мне?»

«Я сказал правду! Я доверяю правде! Ни ты, ни Эд! Как вы все можете позволить себе лгать мне?! Что, черт возьми, сейчас правда? Что ты сделал?!»

Лил потянулась вперед и схватила рубашку Сезара, ее пальцы легко сжали его воротник, а ее влажные, влажные глаза смотрели на него. Даже если ей приходилось взбираться на белую стену замка, она цепко карабкалась.

"Я..."

"..."

Взволнованный внезапной ситуацией, Сезар немедленно попытался успокоить ее. Однако Лил, крепко схватившуюся за руки, посмотрела прямо на него.

Его красные глаза были похожи на пламя, пылающее из сторожевой башни на вершине крепостной стены, которая стояла твердо. Тепло, излучаемое ими, было невероятно жестоким. Лил закричала от пламени, с которым она никогда раньше не осмеливалась столкнуться.

"Я... Что я сделал! Что ты заставил меня сделать!"

"..!"

Его расширенные зрачки дрейфуют между гневом и терпением. Казалось, ему нужно время, чтобы понять шокирующее предательство Лила. Увидев эти эмоции от мужчины, смотрящего на нее сверху вниз, ее сердце болело еще больше, заставляя ее чувствовать, что она была преступником, совершившим преступление. Слова, которые она подделывала и затачивала без колебаний, казалось, ударили Сезара прямо в лицо.

«Лицо, которое годами излучало только тепло и показывало улыбку каждый раз, когда наши глаза встречались, выглядит...»

«Имеет ли смысл говорить, что вы проиграли его, когда хорошо осведомлены об обстоятельствах Лиги? Есть ли причина, по которой вы думаете, что я не должен читать письмо? Да? Не поэтому ли вы его потеряли? Что, черт возьми, там было? Почему Вы это сделали? Почему...»

"..."

Цезарь грубо схватил одно из запястий, которое цеплялось за его воротник. Он сжал ее так плотно, что казалось, что он вот-вот раздавит тыльную сторону ее руки.

— Где голубь?

"..."

Несмотря на все это, Лил упорствовала в своем допросе.

«Вы тоже избавились от голубя? Почему? Уничтожение военных активов является уголовным преступлением в соответствии с имперским законодательством. Вы не должны были этого делать. Или вы отправили его обратно? Возвращается ли он к флоту? Тогда что?»

Сезар стоял неподвижно, все еще держа Лил за руку. Тыльная сторона руки Лила стала белой и онемевшей. В конце концов, та же тупая боль распространилась на ее грудь, шею и голову. Тем не менее, Сезар оставался безответным, и это ставило ее на грань. Она надеялась, что он будет так же зол на ее демонстрацию неудовлетворительного неповиновения и защиту Эда. Но вскоре ее гнев начал успокаиваться спокойствием, с которым она столкнулась, даже если ей это не нравилось. Однако Лил не хотела, чтобы ее гнев угас. Так, так или иначе, она пыталась

боротся с молчанием. Она собиралась снова открыть рот, когда...

"... Почему... Почему ты спрашиваешь меня об этом?»

— Знаете почему.

«Я знаю, что вы не тот человек, который делает это без уважительной причины».

«Причина? Вы имеете в виду ту же причину, которую вы использовали, когда случайно потеряли сообщение?»

Саркастическое замечание Лила застыло в его расслабленных глазах.

"Лилоя. Успокойтесь».

"..."

Голос, предупреждающий ее, был таким же низким, как эхо в морских глубинах. Температура морского дна, которое никогда не видело солнечного света, холодно ударила по ее ушам.

«Почему ты продолжаешь спрашивать меня об этом, когда ты уже знаешь ответ?»

«Я могу придумать только две причины, по которым такое важное доказательство исчезнет. Либо это из-за небрежности, либо вы пытаетесь что-то скрыть. Я просто не могу ассоциировать вас с первым».

«Тогда вы говорите, что это последнее? Как ты можешь сказать мне это?»

«Я задал вам вопрос. Ответьте на него».

«Я думаю, ты больше не веришь в меня...»

Лил точно знал, чего хочет Сезар. Это была абсолютная вера, которую она имела к нему до сих пор. Он хотел, чтобы она снова показала его ему на этот раз. Не спрашивайте, двигайтесь дальше. Какой бы ни была правда, это больше не имело значения. Потому что молчаливое согласие всегда было основой их отношений. Это всегда было правдой для них обоих.

Но Лил не мог принять судьбу Эда таким образом. Лил должен был отвечать за допрос. Будучи капитаном, она должна была лично расследовать историю Эда, определить его мотивы, а затем вынести ему приговор. Если бы приговор вышел обвинительным, они должны были бы извлечь из него как можно больше информации. Но в конце концов Лил никогда не была наедине с

Эдом. Она боялась, что бдительные глаза Сезара заставят ее споткнуться во время разговора с Эдом.

«И поскольку я этого не сделал, Курант взял дело в свои руки и провел свой собственный допрос так, как он только видел и слышал... Я должен был противостоять Сезару, независимо от того, насколько он был зол. Я не должен был допустить, чтобы моя роль капитана была омрачена ролью Сезара как моего любовника. Поскольку Сезар не позволил мне, я в конечном итоге сделал ужасный выбор, сделав меня жалким человеком... В конечном итоге я отрицал свое внутреннее желание доказать невиновность Эда... Или я неосознанно хотел доказать, что не испытываю к нему особых чувств?»

Именно я подчеркивал справедливость по отношению к Эду, ссылаясь на свои убеждения о естественных законах. Но когда этот истинный тест на справедливость потребовал меня, я просто проигнорировал его до такой степени, что похоронил свою собственную риторику. Если бы он ничем не отличался от других, я должен был бы относиться к нему так же, как и к другим. Мне было жалко за то, что я был жестче, тем более, что я так поступала только по отношению к нему. И теперь я не могу поверить, что кто-то умер из-за меня...»

Лил была единственной, кто смог исправить свою ошибку. Это была ошибка, которая произошла на ее Bell Rock, и независимо от того, как ее общество рушилось, Bell Rock по-прежнему была Bell Rock для Lil.

«Дело не в том, что я не хочу тебе верить. Я просто хочу проверить содержимое сообщения должным образом».

"... Я спрошу еще раз. Вы верите доктору или мне?»

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2821159>